

Игорь Белавин

ПОЭТАРХ ИЗ ВОРОНЕЖА,
ИЛИ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПРИЗВАНИЯ*Пока перо не прикипит к руке...*

Стихотворный афоризм Арсения Тарковского, взятый в качестве эпитафии к нашему небольшому критическому очерку, довольно точно отражает традицию лирической *священнописи*, сложившуюся в русской литературе еще во времена Карамзина и, в сущности, заставившую весь мир говорить о «загадочной русской душе». И действительно, прагматичного европейца, предприимчивого североамериканца довольно трудно убедить в том, что марать бумагу или насиловать клавиатуру компьютера, причем безо всякой надежды на кассовый успех, есть занятие, достойное умного человека. Ладно бы речь шла о литературе как хобби, о первых пробах пера, о безобидной графомании, в конце концов. Но, используя формулу Евгения Евтушенко — «Поэт в России больше чем поэт» — легко сделать расширительное толкование, что писатель в России — и не писатель вовсе, а Левша-многостаночник: и швец, и жнец, и на дуде игрец. Кстати, подковавший аглицкую блоху лесковский Левша тоже ведь старался не из прагматических устремлений, а желая заморским технарям нос утереть.

В советские времена маргинальное положение ряда выдающихся авторов и множества более мелких фигур определялось идеологическими соображениями. Сейчас зеленая улица популярности, казалось бы, настезь открыта сугубым профессионалам, эдаким «простописателям», которым есть дело лишь до собственного успеха, а до судеб страны — как до луны. Ан нет! Профессионалы в растерянности, поскольку они-то обучены технологическим приемам конструирования текстов, а читательские массы, избалованные великой русской литературой, жаждут от них творческих открытий. Да и на нелюбовь к своей стране порой жалуются. Читатель тоже в растерянности. В уши ему дуют задорные дилетанты, зазывающие на свои литературные сайты. Привычная мишура книжных выставок доверия не вызывает. «Хо-

рошую новинку я бы купил, — думает Читатель Обыкновенный, — но хочу, чтобы литература меня не только развлекала, но и грела душу, а правду о моей жизни рассказывала с такими пируэтами, что не хочешь, а поверишь. А тут, на магазинных-то полках, одни выдумки, и те как под копирку!»

Есть еще одна проблема. Современный читатель — это прежде всего потребитель информации, привыкший к тому, чтобы все ему угождали, чаянья-интересы угадывали. А у нас почти каждый талант «пишет, как он дышит», оттого-то помимо своих «писательских» задач вынужден заниматься общественной деятельностью или, например, где-нибудь преподавать для заработка. Тут стоит вспомнить, чем завершается сказанное Окуджавой: «...не стараясь угодить». Выходит, все беды из-за того, что у литературно одаренных людей слишком много веры в собственное избранничество и мало уважения к своим и чужим профессиональным навыкам?

Литературные судьбы везде складываются по-разному. И на Западе писатель может исписаться, попасть в полосу неудач, выйти из моды, увлечься неподъемной темой, но именно в России считается вполне нормальным делом десятилетиями писать «в стол» и радоваться тому, что в этом самом столе лежат сплошь «нетленки». Поэтому прозаиков и поэтов, членов всяких Творческих Союзов, РСП и СПР, в объеме Графоманов.net гораздо больше, нежели публики, способной хотя бы поверхностно ознакомиться с их замечательной продукцией. Возможно, это какая-то разновидность мазохизма, психологический надлом, связанный с нескромными географическими размерами нашей Родины и весьма скромным ВВП, приходящемся на одну писательскую душу.

С другой стороны, в российском обществе до сих пор существует определенный пиетет перед литературной деятельностью, уважение к писательству, интерес к поэтическому творчеству. Это, конечно, пережиток, давно преодоленный в большинстве западных стран. Там все всё давно поняли. Там писательское дело — это дело самого писателя. А общество живет своими узкоколейнными интересами, свысока поплеывая на очередного автора. До тех пор, пока тот не станет лидером продаж или общественного мнения. У нас же всякий, причисляющий себя к литературному цеху, особенно если речь идет о таких малых формах, как стихи или небольшие рассказы, прежде всего мечтает быть услышанным, жаждет, что называется, достучать-

ся до людских сердец. А сопоставить свои масштабы с реальностью почему-то забывает.

Поэтому находящиеся в свободном доступе литераторы, ввиду своего обилия и маргинального положения не имеющие ни шанса попасть в издательскую обойму, печатаются за свои собственные деньги. Тиражом сто экземпляров на сто участников проекта. Похоже, нас, просвещенных россиян, хлебом не корми, а дай внести свою лепту в культурное воспитание масс, дай сказать личное слово в искусстве. К сожалению, опыт показывает, что главным для большинства из тех, кто решился печатно обнародовать свои опусы, является не безупречное мастерство, не стремление к тематической оригинальности и философской глубине образов, но божественная эманация авторского «я», которая, видимо, должна обволакивать читательские души до такой степени, чтобы нельзя было отследить ни огрехи авторского языка, ни скудость авторской мысли.

А то, что читательская масса в сложившейся ситуации сжимается, наподобие знаменитой «шагреновой кожи», что тиражи оставшихся на плаву «толстых» литературных журналов катастрофически упали, похоже, никого всерьез не волнует. Вестимо, еще жива традиция определять уровень литературного мастерства и таланта не суммой авторских гонораров, не количеством изданных книг, но внутренним согласием претерпеть за отечество. Вестимо, еще в ходу вьезшаяся в подкорку интеллигентская манера считать, что быть богатым зазорно, что писать на потребу толпы пошло, а писательское подвижничество — естественная стезя для русского литератора. Хуже всего то, что в таких представлениях и посейчас имеется доля истины. Очень уж редко у нас истинный талант и глубокая мысль оцениваются по достоинству, а главное — вовремя (ау, Мартин Иден!). И очень уж значителен разрыв между разрекламированными литературными первачами, обласканными читательским вниманием, и тем разливанным морем текстов, которое плещется себе в пространстве Интернета. А что за диковинные рыбы там плавают, ведомо лишь устроителям литературных конкурсов. Чьи результаты в совокупности можно охватить известным фразеологизмом: ни в сказке сказать, ни пером описать...

К тому же прагматически сухая и отстраненная («западная») манера прозо-стихо-сложения, ярким пропагандистом которой в XIX веке был, например, Фаддей Булгарин, затмевавший тиражами самого Пушкина, а в XX веке — по-пушкински гениальный Иосиф Бродский, у нас не

очень-то прижилась, До сих пор читательские ряды, хотя и сильно усохшие, сплачиваются при виде нового романа Улицкой или улетно-карнавальнoй, гомерически зацензурной эпикн Владимира Сорокина, а вот выверенные до последней запятой, глубоко интеллектуальные опусы, пусть даже удостоенные Нобелевской премии, русскоязычную публику почему-то мало интересуют. Остается предположить, что наша ментальность, обремененная вековой соборностью православной веры, лишь частично пересозданной за годы Советской власти в веру коммунистическую, напрочь отрицает золотую середину мейнстрима, предпочитая либо святую простоту Венедикта Ерофеева, либо уж такое пиршество цинизма, каковое и у самого Пелевина не часто встретишь.

Тут напрашивается следующий вывод: мы, россияне, как живущие на определенных территориях люди, способны ощущать себя единым народом лишь исходя из нутряной сути языка, которым так или иначе все пользуемся. Наш «великий и могучий», судя по всему, является той самой «стеной» или, если хотите, — ментальным железным занавесом, отделяющим нашу многовековую культуру от еще более древней европейской. Именно в этом смысле Россия обречена иметь свой путь развития, неподражаемый и никому не подражающий.

Другое дело, что социальная жизнь у нас еще далеко не устоялась. В конгломерате проживающих в России народов еще чувствуется бурление неостывшей лавы взорванного Революцией патриархального сознания, не скованного, а лишь слегка прикрытого панцирем цивилизации. А возможно, никогда и не устояться этому сознанию в тех формах, что предписываются нам «коллективным Западом». Недаром ярый славянофил Николай Данилевский в конце XIX века писал: «Одним существованием своим Россия уже нарушает систему европейского равновесия». Европейская культура и политикум имеют дело с законопослушными, до предела цивилизованными гражданами, которые даже бунтуют в строго установленные часы. Поэтому тамошняя литература и тамошние политики чаще всего воспринимаются россиянами как персонажи из параллельной реальности. И мыслительные лекала хороши, и схемы вроде бы рабочие, только вот не соответствуют они нашим представлениям о всамделишной жизни, и ничего с этим сделать нельзя.

Так что стоим мы нынче враскорячку, балансируя между воинственным Западом и густонаселенным Востоком, и наверно долго еще стоять будем! Оттого-то и трудно нашим литературным деятелям заслужить

полезную оценку своего труда. Вот, например, переводчики. С одной стороны, хочется им поделиться с другом-читателем плодами мировой культуры, добытыми порой с невероятными усилиями, собранными по крохам в читальном зале библиотеки Иностранной литературы, вычерпанными по ложечке из общенародного котла обстоятельств, где варится и ныне, и присно, и во веки веков суверенное варево российской ментальности. С другой стороны, продукцию мирового уровня «на гора» каждый раз не выдашь, найти среди иностранцев автора, способного задешево продать права на перевод, да чтоб в результате перехода на иной ментальный язык получился настоящий бестселлер, это, знаете ли, большая удача.

И нашему доморощенному писателю-русаку трудно пробиться в западное издательство. С пары-тройки сносных романов или книжки ярких стихов мировой славы, позволяющей выжить за счет разноязыких переводов, не заработаешь... Можно, конечно, удариться в политику, заявить что-нибудь эдакое о невыносимой жизни в современной России, о непроходимой тупости русского народа, слепо доверяющего своим жестоким властителям... Но тогда лучше сразу уезжать, а не очень-то и хотелось. И приходится бедным авторам вновь и вновь мириться с мыслью о своей горестной судьбе, которая тем печальней, чем ближе хочет быть претендент на всенародную любовь к общемировой интеллектуальной элите.

Фотографически беспристрастный, можно сказать, *пуританский* взгляд наблюдателя, находящегося над схваткой человеческих особей за временное жизненное пространство и поэтому не ангажированный ни временем, ни политическими или любыми другими пристрастиями, у нас редко по достоинству оценивается и тем более принимается обществом на ура. Непреходящий конфликт между рыночно обусловленным индивидуализмом и общинными установками, с одной стороны, способствует массовому проявлению в обществе феномена трудового героизма и радости-в-мученичестве, с другой — делает русский образованный люд весьма падким на всякие духовные искушения и дьявольские бездны. И плывут над забубенными умными головешками высокие своды русских церквей, создавая иллюзию голубого безоблачного неба, и крошат перочинными ножичками дубовую плоть кающиеся интеллектуальные Кудеяры — и ныне, и присно, и во веки веков...

Впрочем, космос-без-Бога и микрокосм-без-Души — эти паранормальные интеллектуальные пространства, досконально освоенные

Западом,— заложены в базис нынешней техногенной цивилизации. Общество потребления вынуждено соблазнять, ведь соблазн мещанского рая — единственный клей, еще способный удержать вместе отдельные человеческие особи. К сожалению, эгоизм и безнравственность настолько очевидно близки человеческой природе, что любое индивидуально-ориентированное общественное устройство (читай: истинная демократия!) не может не использовать эти свойства в своих целях. Так и просится на язык знаменитая максима: если не можешь победить — возглавь!

Большая литература всегда нравственна. И поэтому ей нужно время, чтобы вызреть. Вековечное Зло духовного опустошения, подобно средневековой Чуме или вполне современному СПИДу, ежесекундно посягает на респектабельно-косное, кисейное настоящее человечества. Но поэт берет в руки стило, и оно, подобно кусочку свалившегося с паяльника олова, прикипает к его натруженным пальцам. Там, за пределами уютного и почти домашнего ортодоксально-лирического мирка гармонизированной Вечности располагается космический холод и бесприютный хаос вечно варварской Современности, решающей свои сиюминутные проблемы и радующейся своим преходящим историческим победам, очень похожим на пирровы. Здесь — прославленные в веках «перо и бумага», там — непроглядная темень и муравьиная суета сует. Но — бьет 12, уже летит к подмосковному перрону последняя электричка на Москву, пора прощаться, и вот-вот захлопнется входная дверь. Остановись, мгновение! Однако покинуть обжитой дом классической традиции все-таки придется... Хотя бы для того, чтобы лучше оценить недавнее прошлое новейшей русской поэзии и ее исторические перспективы.

Лет сорок назад, когда скромный автор этих строк был энергичен и мускулист и даже горизонты социализма выглядели вполне радужно, самыми уважаемыми людьми в стране были космонавты и поэты. Маленькое сообщение на доске объявлений о том, что в районном Дворце культуры состоится встреча с каким-либо даже и нелетающим Космонавтом или неизвестным Известным Поэтом, вызывало в окружающей молодежной среде волнение такой силы, каковую нынче способны обеспечить разве что народные целители-экстрасенсы в купе с отечественными поп-звездами или, бери выше, самим Бастой! Поэты делились на официальных и полуофициальных, причем к последним продвинутая молодежь относилась с особым уважением.

И те, и другие — вне зависимости от конкретных заслуг — относили себя к *поэтическому цеху*, то есть входили в привилегированную касту советских людей, коим дозволялась некоторая вольность мыслей. Видимо, аура цеховой значимости, характерная скорее для средневековых ремесленнических союзов, нежели для обычного писательского объединения, охраняла представителей означенной профессии, маргинальной по своей сути, от чрезмерной государственной опеки и облегчала взаимодействие издательств и редакций с соответствующими партийными органами. Неудивительно, что эти самые органы заглазно недоумевали, почему надо щедро платить тому, кто тебя же, пусть и в художественной форме, нещадно ругает.

В те времена о культуре, как физической, так и духовно-нравственной, заботилось само Советское Государство. Тогдашние партийные деятели довольно разумно полагали, что неокультуренные массы, имеющие дело с достаточно сложной современной техникой, опасны и для технологических процессов, и для самих себя. Поэтому рядом с каждым крупным предприятием или учебным заведением градообразующего уровня строился одно- или двухэтажный Дом культуры. Это было здание помпезного вида с конференц-залом, в котором, помимо показа отечественных и зарубежных кинолент, приносивших этим заведениям кассовую прибыль, проходили разнообразные некоммерческие мероприятия типа самодеятельных концертов или так называемых «встреч со знаменитыми людьми». Наиболее грандиозные сооружения гордо именовались Дворцами: видимо, в мозговой подкорке советских чиновников засела непреодолимая зависть к роскоши, в которой жили их предшественники, служившие не Генсеку и его партноменклатуре, но — Царю и Отечеству.

Советские космонавты и поэты, с точки зрения обыденного сознания, каковое, надо признать, было свойственно как тогдашним властным структурам, так и весьма широким кругам научно-технической интеллигенции, включая, естественно, и автора этих строк, являлись полноценными жителями мира Будущего, иначе говоря, типичными представителями обещанного народу фантазийного коммунистического рая. Они служили живым примером того, к чему надо стремиться и чего можно достичь, если хорошенько поработать на благо советского народа. И если космонавты считались, так сказать, чернорабочими коммунистического Эдема, в ежедневные обязанности которых входили тренировки на бешено крутящихся центрифугах

и штудирование толстых талмудов по космической безопасности, то уж поэты были совершеннейшими небожителями, на виду у всех советских людей с легкостью решавшими *продиктованные с небес* духовные задачи. Решения были такими простыми, а голоса такими ангельскими, что ощущение эйфории и благоволения во человецех от поэтических вечеров вполне реально способствовало повышению производительности труда молодых рабочих и успеваемости студенческой молодежи.

Верится с трудом, милый мой читатель, но — было, было... Буйно цвела эпоха надежд, обоснованных тогда еще грядущей, а ныне, в общем, свершившейся научно-технической революцией. Именно на нее, родимую, судя по всему рассчитывали, ее торопили коммунистические вожди времен брежневского застоя. Кремлевские старожилы, попавшие после хрущевского развенчания сталинизма в полосу перманентных *временных трудностей*, то и дело упускали инициативу в борьбе с непредсказуемыми вызовами времени. С годами задолбанный постоянными шараханьями-перестройками партийно-хозяйственный аппарат ощутил себя заложником хрущевских же обещаний догнать и перегнать Америку и совершенно утратил нравственную волю, перестав с должной яростью преследовать шириющееся инакомыслие и полностью переключившись на воровство. Все последствия этих довольно непоследовательных экономических и культурных преобразований так и не смогли просчитать соответствующие академики РАН, что, вероятно, и привело в конце концов к общемировому краху коммунистической доктрины.

Примерно в середине семидесятых годов по Москве гремела слава Дворца культуры Московского авиационного института (МАИ), в котором — понятно, что не во Дворце! — я имел счастье учиться и долгое время работать. Возможно, потому, что в довесок к хоккееу авиация и космонавтика пользовались особой любовью советского руководства, именно в нашем институте в то благословенное время процветала молодая российская сатира в лице Лиона Измайлова и Михаила Задорнова, нашла приют ершистая рок-культура и вообще обитала разная подающая надежды творческая поросль. Как раз тогда администрация Дворца задумала грандиозную акцию: серию литературных вечеров с участием всех наиболее значительных советских поэтов того времени: Окуджавы, Евтушенко, Ахмадулиной, Мориц... и в их числе Арсения Тарковского. Надо сказать, что, несмотря на

отсутствие в открытом доступе книг *старика* Тарковского, за ним тянулась совершенно неоспоримая слава короля поэтов, так сказать, духовного дуайена посвященных в Поэзию.

А кроме того — что в те времена ценилось еще больше — сарафанное радио в отношении Арсения Тарковского сообщало об особом положении его в ряду других советских поэтов. Дескать, это незаконное светило залетело к нам из другой культурной вселенной, где знают о «настоященской», как говорили герои книг Льва Кассиля и Леонида Пантелеева, жизни куда больше, нежели дозволено нам, обычным людям. *Этого* вечера я ждал с особым трепетом и с почти мазохистским внутренним недоверием к победоносной реальности события («опять запретят, сволочи!»). Недоверие оказалось оправданным: концерт отменили, сославшись на нездоровье поэта Тарковского. Вполне возможно, что никакого политического криминала за отменой выступления не стояло, а были болезнь и усталость, какие-то старческие немощи. Но мы, молодые, как нечто сугубо несущественное воспринимали, например, фронттовую инвалидность Тарковского (разве ангелы не летают?), вовсе не учитывали возраст. Разочарование оказалось настолько сильным, что, во всяком случае, мой энтузиазм по поводу благотворных изменений в советской системе иссяк сразу и навсегда.

Пожалуй, именно это ощущение *обобранности* (впрочем, когда и кем?), сиротской отверженности и обидной преграды, отделяющей новое поколение от тех духовных высот, которые, очевидно, доступны только носителям до-коммунистической культуры, не обремененной никакими догмами и суетными мотивами, оказалось последней каплей, переполнившей чашу моего доверия к существовавшему тогда порядку вещей. Именно отказ от легкого пути в жизни, от идеи материального успеха любой ценой и всеобщей зависти к этому успеху, воплощаемой в имидже представителей власти, как мне тогда казалось, чудесным образом воплощен в личности поэта Тарковского. Когда же (несколько позднее описываемых событий) мне удалось заполучить книжку стихов *опального гения* и проштудировать ее, это мнение только укрепилось.

Внимательное и воодушевленное прочтение той скромной книжки, которую я с начала в распечатке получил от друзей, а потом ее же с большим трудом перекупил у книжных «жучков» или, как говорили во времена тогдашнего тотального дефицита, — «достал», убедило меня в том, что настоящий Арсений Тарковский — вовсе не тот немощный и несколько даже смешной в своей болезненной немощности

старик-стихотворец, с которым может пообщаться любой молодой современник, входящий в вышеупомянутый поэтический цех, но — некий абстрактный божественно-мощный Гений, который, подобно демону Максвелла, отбирает пронсящиеся мимо него души-молекулы, деля на чистых и нечистых, пропуская — или не пропуская — в свой заповедный интеллектуальный рай. Эти не слишком-то новаторские и не очень-то «диссидентские» стихи дышали подлинностью, свойственной разве что великим классическим произведениям. Было ясно, что такую подлинность нельзя ни выменять на американские доллары, ни получить в награду от Партии и Правительства, ни даже заработать на космической службе. Подлинность сопоставимого масштаба можно только выносить и воспитать — как собственного ребенка.

Феномен призвания, согласно моему индивидуальному опыту, в том числе основанному на сведениях о мире литературы, куда в погоне за хоть каким-то общественным откликом (увы, увы, драгоценный мой читатель!) мне порой приходилось захаживать, заключается в том, что автор рассматривает свои литературные занятия как нечто, жизненно необходимое ему самому, и лишь в силу необъяснимого упрямства у него возникает желание поделиться результатом с заинтересованными современниками. Тяга к творчеству и литературная мода часто находятся в таком антагонистическом противоречии, что невольно закрадывается мысль: а не разные ли это профессии, быть модным писателем и быть писателем «по призванию»? О, эти редакционные коридоры с обшарпанными или, напротив, помпезно-горделивыми дверями, на которых красуются бумажные листы, а порой — и латунные таблички с надписями-указателями: «Главначпуис по прозе» или «Помглавред отдела Поэзии»! Сколько карьер вы создали буквально из ничего и сколько человеческих судеб загубили своей кажущейся доступностью...

Дальше речь пойдет о стихах недавно умершего Валерия Исаянца (1945–2019), легендарного воронежского Поэтарха. Любопытный факт: Арсений Александрович Тарковский был редактором первого сборника стихов Исаянца (1978). Этот, казалось бы незначительный, биографический факт в ракурсе нравов той давней эпохи выглядит вовсе не таким уж пустыньким. В мире профессиональной литературы, как известно, процветала и процветает система дружеских рекламных акций-поощрений, когда маститый автор «проталкивает» своего более молодого коллегу сквозь редакционно-издательский лабиринт, стремясь облегчить — иногда совершенно бескорыстно! — путь в про-

фессию. В советские времена миновать эту систему было практически невозможно, поскольку к обычному барьеру восприятия, который имеется у любого принимающего редактора, замученного самотеком, добавлялись идеологические проблемы и перманентное безденежье.

Впрочем, бывшая Советская власть к фактору литературной молодости относилась с пониманием. Начинающих авторов тогда растили и пестовали. Достаточно вспомнить бесконечные литобъединения, заполненные желторотыми юнцами и богемными птичками, проматывающими свои лучшие годы в бесплодных, как правило, попытках пробиться в заветные издательские коридоры или хотя бы в писательские жены. Увы, к бесплатному сыру общения с маститыми литературными деятелями прилагалась и мышеловка. А именно, от молодых талантов требовалось умение работать много и хорошо, причем не на себя любимого, а на издательский спрос, в свою очередь определявшийся неизменной в своей изменчивости линией Партии.

Отираться по редакционным коридорам большинству начинающих авторов приходилось годами, если не десятилетиями. Это называлось «делать карьеру». Иначе на приличные и более-менее постоянные гонорары нечего было и рассчитывать. Сначала надо было стать «своим», то есть привычным, предсказуемым винтиком системы, а уж потом автору имярек присваивался несмыываемый знак качества. Авторы учились писать «как надо», на хорошем среднем уровне, в редакциях радовались мелким знакам внимания, учились подавлять зевоту, если повествование оказывалось шаблонным и скучным, старались не замечать стилистические просчеты и очевидные композиционные слабости, на исправление которых у великого множества советских писателей не хватало ни времени, ни желания. Это называлось войти в обойму. Из авторов «обоймы» и выбирались завсегдатаи журнальных страниц и чемпионы по маститости. Судя по всему, Валерий Исаянц войти в обойму не сумел. А может, и не пытался. Зато стихи у него получались лучше некуда. Ни на что не похожие. Из ряда вон. Застолбившие такую нишу в поэзии, куда эпигонам и подражателям ход заказан.

Вот каков, например, исаянцевский «Хранитель»:

В июле — небо. В небе — птицы.
Вдоль горизонтовой тропы
легко секут воронежницы
перворассветные снопы.

Тулят крязанок москворцы,
кольцом уфаисты зависли.
Тронь журальвиные дворцы!
Качнись на здешней хоромысли.

Перисторук и клюволиц,
сердцестремителен, как пуля,
храни, верней семи зениц,
от небыльцов и небылиц
в себе сияние июля,
в июле — небо, в небе — птиц.

Легко угадать источники, на которые опирался Валерий Исаенц, творя свое поэтическое пространство. Это и устремленное к горизонтам Будущего словотворчество Велимира Хлебникова, и акмеистическая эстетика Осипа Мандельштама, и удивительные песнословы Николая Клюева. Но приемы остаются приемами, а новые поэтические пазлы формируются из живых слов, настолько плотно пригнанных друг к другу, что не остается ни одного зазора для критического лезвия...

Так чем же, собственно говоря, отличается поэзия глубинного постижения, из примеров которой почти сплошь состоит творчество Арсения Тарковского, от обычной стиховой продукции? Дело тут не в техническом мастерстве и даже не в таланте автора, но в творческой установке, изначально влияющей на весь подготовительный период и, как следствие, на окончательную форму авторского произведения. Если автор заранее ориентируется на ту или иную читательскую аудиторию, если прислушивается не к своему сердцу, а к запросам рынка, пишет по чьей-то указке, пусть даже исключительно доброжелательной, такой поэзии, как говаривал шеф старого «Нового мира» Твардовский, «не сойти с бумаги».

Главное, ощущает ли автор сказанное им как важную часть собственной жизни или же его произведение — это сугубо чужая история, да еще, не дай Бог, навязанная продюсерской волей. Во втором случае, как ни старайся, а результат неизбежно окажется сухой беллетристикой. Да, кое-кому удастся поймать модную волну, угадать сиюминутные вкусы публики. На этой волне может прийти кассовый успех, известность, даже слава. Но слова в таких текстах быстро мертвеют. Новое поколение читателей, вторя Мандельштаму, в отношении подобных

текстов всегда говорит: «... дурно пахнут мертвые слова...» А вот слова в большинстве текстов Исаянца до сих пор живые!

Таково и небольшое стихотворение «Кошмар с колокольчиком», которое мы опять-таки приведем целиком:

Как безъязыкий колокольчик
в неугомонной трень-траве,
суть мандельштамовская Польша
в армянской полу-голове

качает линию предела
без окаянно лишних нот.
По ней с букетом чисто-тела
сама Цветаева идет.

И вновь автор в целях актуализации текста применяет словесные ребусы. Впрочем, эти смысловые орешки раскалываются без особого труда. Конечно, фразу «мандельштамовская Польша в армянской полу-голове» не следует рассматривать как некий политический манифест автора и совсем уж ни к чему судорожно листать томик Мандельштама в поисках стихов о Польше. На каждом шагу расставляя, как силки-самodelки, свои авторские тропы, Исаянец рассказывает о себе, о своем времени, как он его видит. В содержании стихотворения нет ничего оригинального, оно общедоступно и принадлежит всем. Как принадлежат всем вековые споры между западниками и славянофилами, между Польшей и Россией. И совершенно неважно, что именно писал о Польше Мандельштам (или Пушкин, или Мицкевич...), важно, что за счет одной короткой фразы Виктор Исаянец обозначил целый круг альтернативных взглядов, способных порождать бесплодные и весьма разрушительные споры. А венчает стихи очень простая, но очень верная мысль. О том, что существует предел, граница спора, за которой начинаются окаянно-лишние ноты в голосах спорящих. И не надо бы, господа политики, эту границу переходить!

Максима «содержание принадлежит всем, и только форма — автору» сформулирована великим немецким поэтом XX века Готфридом Бенном. Форма у стихов Валерия Исаянца чрезвычайно «авторская», в буквальном смысле слова «неповторимая». При этом авторские отклонения не только от обыденной, но и от шаблонно-поэтической речи,

составляющие смысл и норму любой новаторской поэтики, существуют не сами по себе, как это часто бывает у новаторов слова, но активно работают на содержание. Во-первых, это в изобилии рассыпанные по всем текстам Исаянца слова-самоделки (окказионализмы). Здесь их, кстати, не так много, всего два случая. Это «трынь-трава» (от общеизвестного «трын-трава»), добавляющее в словарную конструкцию элемент звукоподражания, и «чисто-тела», обыгрывающее известное название растения. Последнее особенно интересно. В коннотативный набор этого поэтического «новодела» входит, помимо исторически-обусловленных значений, еще и значение, почерпнутое из просторечного языкового пласта. В современном разговоре вполне можно услышать выражения типа «чисто свой» или «чисто русский». А поэту, как известно, каждое лыко в строку!

Во-вторых, это эксклюзивные словосочетания или авторские тропы. Их тоже немало. Помимо уже упомянутой «мандельштамовской Польши» отметим и «безъязыкий колокольчик», и «окаянно лишних», и «в армянской полу-голове». Последняя языковая конструкция — именно интереснейший троп, а не окказионализм. Сразу вспоминаются и армянские анекдоты, и снисходительное отношение российского центра к национальным меньшинствам, и личные обстоятельства самого автора... Вот это умение расширить пейзажно-ландшафтную среду стихотворения за счет тщательно продуманных аллюзий — одна из наиболее привлекательных черт поэтики Валерия Исаянца.

В-третьих, это наличие приемов поп-арта, порой обнаруживающихся во вполне «классической» ткани исаянцевских стихов. Как известно, поп-арт как направление в изобразительном искусстве сформировался в странах Западной Европы и США в середине прошлого века. Чуть позже изобразительные принципы поп-арта переходят в литературу. Суть направления в том, что художник работает не с действительностью как таковой, но с объектами массовой культуры, доминирующими в обществе потребления. У Валерия Исаянца образы исторических личностей — поэтов Мандельштама и Цветаевой — подаются именно как объекты массовой культуры. В частности, образ Марины Цветаевой, теряя субъектность и отчасти сливаясь с образом шекспировской Офелии, приобретает черты современного мифа, который автор использует в рамках своего эстетико-философского пазла без оглядки на исторический персонаж.

Наличие свежих (для своего времени) приемов в наборе используемых художественных средств — отличительная черта многих попу-

лярных произведений. Естественно, это замечание касается не только стихов Исаянца, которые могли бы стать популярными, пробейся они тогда на страницы советских журналов. Точно так же персонажи «Травы забвения» и «Святого колодца», мановением пера Валентина Катаева перенесенные в иное, уже сугубо литературное измерение, навсегда отделились от своих исторических двойников, став плоскими марионетками в картонном театре соцреализма. Однако «мовист» Валентин Катаев лишь намечает те пути, по которым много позднее и гораздо более откровенно пойдет постмодернистская литература новейшего времени. Тот же Бернард Вербер, чьим «муравьиным циклом» еще вчера зачитывалась наша интеллектуальная элита, сделал из реально существовавших знаменитостей мультяшные фигуры, ничуть не уступающие в забавности героям американских комиксов. Но это уже совсем другая История!

По каким точно причинам не состоялся «популярный советский поэт Валерий Исаянец» можно только гадать. Ведь не помешала же концентрированная асоциальность вовремя пробиться к публике таким фигурам, как Геннадий Шпаликов или Глеб Горбовский? А как быть с тюремным прошлым Михаила Танича? Впрочем, интервьюеры с горечью сообщают: «Восстановить подлинную хронику жизни Валерия Исаянца крайне сложно: сам поэт из-за душевной болезни говорил отвлечённо, не отвечал на прямые вопросы». А нужна ли нашему Автору биография? Лучше пусть на публичном — земном, снижено-банальном — уровне существует некий голографический двойник Гения, суррогатный заместитель, лишь редкими минутами позволяющий *настоящему* Исайнцу выглянуть из-за смутно-недоступной небесной фото-ширмы. И пусть навсегда сохранится дистанция между бытовыми подробностями жизни «какого-то Исаянца» и *этими* стихами, ныне являющимися единственным местом пребывания толстовски всевидящего и непогрешимого Поэта-демиурга. Пусть коллапсирует под напором внезапно забуксовавшего времени наше читательское сознание, встретившись в очередной раз с феноменом призвания, не поддающимся разумному объяснению.

Впрочем, время всегда неподвижно, это мы бежим-летим сквозь него, разрывая липкую паутину жизни, в ужасе перед скользящим по горизонту глазных яблок отражением земного Апокалипсиса.

